

Завершил свой земной путь Юрий Бондарев — последний крупный писатель-фронтовик, чья проза, безусловно, определяла развитие русской литературы второй половины XX века. 60 лет он отдал литературному творчеству, и любое его произведение — «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Берег»... — по праву считаются вершинами художественного воплощения темы Великой Отечественной войны.

Многие годы Ю.В. Бондарев был членом редколлегии журнала «Подъём», всегда с готовностью помогал воронежским литераторам-дебютантам. Крепкая дружба связывала Юрия Васильевича с известным поэтом, нашим земляком Егором Исаевым. О занятом и поучительном эпизоде их знакомства рассказывает Михаил Фёдоров.

Сердце содрогнулось при известии, что ушел из жизни Юрий Бондарев, один из родоначальников «лейтенантской прозы», воин, защищавший родную землю, свой народ, честный человек, не покрививший совестью. И теперь, ощутив всю глубину утраты, мне хочется вспомнить, как отзывался о «Юре» — так называл писателя-фронтовика его друг — поэт Егор Исаев.

Он сказал: «Юра Бондарев — он действительно думающий. Он не просто думающий, а нервно думающий. От его нерва иногда можно было прикурить».

Вспоминаются встречи с Егором Исаевым, когда он говорил о Юрии Васильевиче... Однажды я узнал, какую знаковую роль сыграл Бондарев в судьбе поэта. Благодаря ему Егор Исаев стал студентом Литинститута...

Егор Александрович рассказал:

— Поступал я в Литературный институт с приключениями. Мне в армии предлагали остаться. Я всего лишь младший сержант, но уже печатался в Москве. Нас задержали на службе. 25-й и 26-й год рождения. Приехал начальник политуправления Центральной группы войск, это под Веной. Генерал-лейтенант Кладовой. И редактор Жуков. И они меня стали упрашивать: «Товарищ младший сержант... или товарищ Исаев... Вы журналист. По штату должность капитанская, майора... Мы вас посылаем на курсы во Львов, в политическое училище. Отделение журналистики. Проходите курсы, мы вам даем звание старшего лейтенанта, и вы остаётесь в военной редакции...» А я уже в армии семь с половиной лет! Я, может быть, и согласился бы, но у меня было два письма от Долматовского и от Грибачева. Грибачев

ведаль поэзией в «Советском воине», он тогда «Красноармеец» назывался. А Долматовский — в «Смене». Вот эти письма и возбуждали мою мечту о Литинституте...

А пока они меня уговаривали, время-то ушло. Я приехал в Москву с опозданием. Сразу на Киевский вокзал. Потом на метро до Арбата, и все равно, беги не беги, лети, ползком ползи — время уже прошло. И вот бульвар Тверской, 25. Литинститут. Пришел на второй этаж, тут заведовал кафедрой творчества Василий Александрович Смирнов. Отличный прозаик... Нет, не тот, что писал «Брестскую крепость». Я: «Вот к вам...» А он на меня посмотрел и засмеялся: «Уже и занятия идут. Вот видишь. Комиссия распущена. Всё».

В грусти и тоске поворачиваюсь и спускаюсь вниз. Выхожу в сквер, там стоит один в офицерском кителе. Следы от погон. Он говорит: «Младшой, ты чего такой?» Говорю: «Да вот, опоздал». И всё ему в подробностях рассказываю. «Как — опоздал? Это армия опоздала. Пойдем!» За руку — и меня опять к Василию Александровичу. И Смирнов уже не мне объясняет, а ему: «Ведь никакой же рекомендации! Обычно рекомендации от писателей нужны, а у него ничего нет. Чем тут поможешь?!»

И когда он сказал о рекомендациях, я вспомнил: «Да у меня письма есть». — «Какие письма?» — «От Долматовского и Грибачева». — «Чего же ты не говорил?» А Грибачев в это время уже был секретарем Союза писателей СССР. И он там же ведал партийной организацией. И вот поехал в Корею, тогда даже написал поэму «Ким Ир Сен». И он (представляешь, какие люди были!), уезжая в Корею, встретил Смирнова и сказал: «Если из Австрии придет боец, вы его обязательно примите в Литинститут». Правда, фамилию мою почему-то не назвал. Смирнов нам все это и рассказывал. А поскольку комиссия-то распущена, экзамены я не сдавал. Студентом стал в порядке исключения. Но учился, что называется, взахлеб и на следующий год уже получал Крыловскую стипендию. А вскоре у меня в военном издательстве вышла книжечка «Над волнами Дуная».

Кто же был тот, в офицерской форме? Юра Бондарев! Вот что такое фронтовики!.. Он многим помогал...

— Юра Бондарев, он же и Распутина подымал. Тот ему письма писал. Надо об этом говорить...

Светлая память бойцу-писателю и писателю-бойцу!
От многих-многих ему земной поклон.

Егор Исаев и Юрий Бондарев